

18+

Наташа Корнеева

НЕ ПТИЦА



Наташа Корнеева

Не Птица

«Издательские решения»

Корнеева Н.

Не Птица / Н. Корнеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519813-6

Привет! Новый сборник стихов с жизнерадостным названием «Не Птица» — это осенняя серия 2020 года. Есть там немного старенького, зимнего, весеннего, не вошедшего в предыдущий «Северный Ветер». Если ищите что-то розово-воздушное — идите с богом мимо. Здесь все по-взрослому и довольно мраченько. Иногда чересчур откровенно. И всегда без трусов. Зачем я пишу весь этот бред... А вот хочется и пишу, ибо я вольная кошка и гуляю сама по себе. Ну, что, пока, дорогие мои. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519813-6

© Корнеева Н.
© Издательские решения

Содержание

Рояль в кустах	6
Зима зима	7
Я танцую	8
Колыбельная в облаках	10
Не птица	12
Когда-нибудь закончатся слова	13
Рисунок танца	14
Дыхание твое	15
Вот стою на берегу	16
И толк не в том	17
Три-четыре	19
и кто бы мог подумать	20
Хэппи энд	21
Первый месяц зимы	22
Последний узел	23
снег – он бывший дождь	24
Палачам	25
Брожу по комнате	26
У неба займы	27
жалейка	28
От носа до хвоста	29
Вершки и корешки	30
Матат Акун	31
На расстоянии	32
Иду за хлебом в магазин	33
Пронумерованные души	34
а ТЫ	35
Моя снежинка	36
Я вас люблю	37
Страус	38
Закончены внебрачные чтения	39
FUCK ME	40
Ловкость рук	41
Мятный черствый	42
Когда сумеют сохранить цветы	43
Не нам?	44
Искала я бога	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Не Птица

Натasha Корнеева

© Натasha Корнеева, 2020

ISBN 978-5-0051-9813-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рояль в кустах

сезоны отличаются лишь цветом
болото консистенцией гнилья
заранее написано либретто
для жаб и мух и даже соловья

и до оскомин вымучен оркестр
слеп дирижер глухие скрипачи
балконы аплодируют гротескно
в надушенный платок партер «апчхи»

галёрка пародирует суфлёра
в прыжке пытаюсь сцену разглядеть
сражается в подмышках флёр-а-флёра
мазок с привычкой пагубной потеть

наполовину пуст флакон тройного
наполовину полон малый град
актёр изображавший полового
хотел бы «кушать подано» сыграть

но роль передается по наследству
и в первый ряд не продают билет
и на афишах если приглядеться
одни и те же рожи много лет

прилипли тени в промежутках света
с заученною фразой на устах
наивно ищут лишнего билета
и ждут рояля белого а кустах

а пианист пропивший все бекары
упрямо тычет пальцем в до диез
в свои шестнадцать лет он слишком старый
чтоб проявлять к афишам интерес

берет рюкзак заученной дорогой
в покупок неизбежности процесс
хлеб молоко замешкавшись немного
горошек в банке мятой – для принцесс

Зима зима

зима зима
и пауза в словах
многозначительна снегов холодность
на улице во мне и в моих снах
источников расходных безысходность

снуют по мерзлым веткам воробьи
чирикают о всякой канители
и как-то глупо думать о ту би
ту би или не ту ну в самом деле

зима зима паскудная пора
да ерунда сезонная подробность
обычный лед в обычности ведра
пришедшего от времени в негодность
и тут уж хоть крути хоть не крути
но и весной того что не успели
нам не успеть растает снег ручьи
домоют что не вымели метели

зима.. зима..
спокойна как мертвец
меланхоличность дров и непригодность
ни черных древ ни пастбищ для овец
ни вычурных лошадок иноходность
я разбиваю взгляд до глубины
зимующей пытаюсь доглядеться
осколками зрачков в глаза зимы
она мне лед прикладывает к сердцу

и замирает весь круговорот
я из ледышек складываю слово
направо слева и наоборот
одно и то же пошло бестолково.
ушла б в запой да толку от него
еще сильнее раскачивает кресло
я б умерла но только до того
как началось сознательное детство

Я танцую

я пахну табаком и онанизмом
в прожилках лист нательных эпиграмм
а голуби расселись по карнизам
напрасно – ничего я им не дам

в морозы открываю настежь окна
примерзла дверь давно остыла печь
мне непонятны выдержки блокнота
мне тишина мила постыла речь

я не пускала корни мне не надо
воды земли любимых и друзей
букеты ненавижу с шоколадом
и вечно срущих наглых сизарей

мышей и крыс болтающих молчащих
худых и толстых сложных и простых
чем дальше в лес тем меньше настоящих
и чем роднее тем больней под дых

чем глубже рана тем сильней желание
расковырять чтобы увидеть дно
и как ни странно для Него желанная
и говорит любимая давно

когда в глазах любовь зрачки сжигает
когда внутри разорвано в клочки
и места нет живого от нагаек
и кто-то там в тебе орет – молчи

нет разницы в погоде настроении
зашкалена привычная шкала
и ненавидишь тень и отражение
и жжется многолетняя зола

с трудом дается каждое движение
не то чтоб больно, просто ни к чему
и на себя ты смотришь с сожалением
а на других не смотришь

почему
вот именно тогда, почти у края
тебя хватают как слепых щенят
и тычут мордой в то чего не знают
при этом омерзительно пи*дят

закройте рот и уберите руки
их не отмыть коль тронете меня
идите нах*й я танцую вуги
понятно вам – танцюю буги я.

Колыбельная в облаках

дело было вчера я топтала сугроб
в направлении мне непонятном
вдоль дороги засыпанной под потолок
в окончании дня суррогатном

до автобуса пять или десять минут
как назло зажигалку забыла
вдохи колкие холодом легкие мнут
потерпеть или до магазина

и пошла километра четыре всего
да хоть десять была бы причина
то ли бог то ли черт подогнал мне его
вдруг такси и помятый мужчина

говорит: Вам куда? говорит: Довезу
и в глаза ни гу-гу мим безлиций
на переднее и понесла ерунду
просто чтоб тишиной не давиться

то да сё ни о чём как живу как дела
взор в дорогу и слушал вполуха
едкий снег прилипал злился дворник стекла
«завируха зима завируха»
из охрипших динамиков сжёт болтовню
я притихла как птичка на ветке
а он хмыкнул в усы неулыбчиво: ну
что ж ты так приуныла-то детка?

и меня понесло ни с того ни с сего
монотонно и беспогранично
о себе и о Нём он сказал: ничего
не стесняйся я – парень привычный

и мне стало как будто немного теплей
то ли минус упал или просто
начинался период тоски фонарей
на дороге ведущей к погосту

и когда я ему как холодный ушат
расплескала по полу всю душу
он кивнул: в бардачке где-то спички лежат
а на заднем валялась подушка
покури и давай не боись засыпай
я тебя покружу-покатаю

может я умерла, может это все рай?
засмутился: откуда я знаю

он возил меня долго и как на руках
я качалась в ухабах дорожных
и какой-то мужчина другой в облаках
колыбельную пел мне... возможно

Не птица

Не птица, потерянное перо,
крыла, стертого до костей,
улыбка растерянная пьеро,
мозоли от костылей.

Не угли. Заветренная зола
залитых водами пепелищ,
на утро отложенные тела,
недвижимость туловищ

А руки хватаются пустоты,
забиты взгляды заподлицо,
с кем-то опять переход на «ТЫ»
стирает мое лицо.

Когда-нибудь закончатся слова

когда-нибудь закончатся слова
и диктор перестанет громко топтать
помнется морда и обвиснет попа
и к проводам подключат провода

и будет дождь в ладоши хохотать
а может снег лениво по колену
и говорят наступит благодать
и ничего не нужно будет делать

а я так думаю что буду просто спать
не видеть снов ни добрых ни кошмарных
и будет мне на все и всех нас рать
в пустотах необъятно унитарных

Рисунок танца

вот догоришь
и закоптишь и ну
оглядывать пространство
и тишину
рисунка танца
и нот написанную тишь

и станешь видеть темноту
яснее солнечных улыбок
когда распятия ошибок
учить не смогут ничему

когда огонь застывший в лед
не согревает а пугает
не соловьи а попугаи
и весь в занозах неба свод

когда рассвет на полупальцах
когда закат в полушпагат
поймешь никто не виноват
и неприкаянность скитальцев
ничто иное как возврат
к тому что мы забыть не смели
но помнить было ни к чему
ни дождь ни вечную луну
ни взбудораженность капли
ни первый крик последний вдох
и нищету себя познания
изломами существования
и тем что выдохнуть не смог

Дыхание твое

Дыхание твое и снег и дождь и ветер
и листво́вой галдеж и шепоток волны
в часах песочных стук песчинок все на свете
на этом а на том нет ничего лишь ты.

а я пытаюсь здесь себе построить замки
смочив песок водой с руки стекает грязь
скажи мне мой родной когда наступит завтра
и есть ли у тебя какая-нибудь связь

скажи я напишу любой язык освоив
а хочешь промолчу тебе всю свою боль
а хочешь я умру чтоб снова было двое
я жить могу лишь там где быть смогу с тобой

Вот стою на берегу

вот стою на берегу руки вскинула
и глазами стерегу эту зиму я
и как сосны за обрыв вниз макушками
и как оспы и как стыд от веснушчатых
рук беленых волосков густо выросших
глаз зеленых и сосков чувства вынувших
от растерянности до сумасшествия
все отмереется от и до если я
стану быстрой как вода родниковая
или выстрел или пыль под подковами
буду слушать только стук непослушного
и не думать сколько выюг мне откружено
и не стынуть на ветру если холодно
и не знать когда умру поздно скоро ли
и не складывать к ногам если заживо
и не кланяться богам чтобы зажило
вот стою на берегу руки вскинула
я не зиму стерегу а любимого.

И толк не в том

снеси кому-нибудь яйцо
рябая курица на полке
и толк не в том, что мало толку
а что подлец заподлицо

ногтем когтем булавкой ли
подковырнуть в прореху время
и стремно ногу мимо стремя
треног стреноженность ой ли

когда попутчик в паруса
да не за выгуленность вовсе
когда их семь всего не восемь
и быть не может вечной осень
и не разбавлена роса

немытостью чужих подошв
и запах не узнал дурного
а ты – небеспредельность дома
и безысходность ну и что ж

упругость волн зубной песок
цепных реакций обостренье
кому вершки кому коренья
а у березы кровь не сок

и еле- еле за сухарь
заплесневелостью краюхи
заманивает сыпь от вьюги
заветренных от оспы харь

а ты стоишь как идиот
хлопками век смущен краснеешь
бежишь как будто не успеешь
ты не вписаться в поворот

неряшливо и не умыто
сгорает берег от стыда
закатом на обломках льда
выплескивая неба свиток

отчаянье напололам
и зубоскалишься чему-то
беззубо пошло и разуто
то ночи выдохнув мазут то

рассвета выхлестав сто грамм

тебе орет в ушной заход
а ты не слушаешь не видишь
ни солнца ни затяжек кипиш
ни бешеный круговорот

Три-четыре

перешагну черту и полечу
полета направление неважно
зато лечу туда куда хочу
размахивая крыльями отважно

я как большой бумажный самолет
и в нашем классе вынули оконца
и беспилотный празднует пилот
вторичность восходящего несолнца

в объятых парт отдраенных под ноль
готовят фарш для общей кулебяки
на три-четыре истины глаголь
сложив в портфель каляки и маляки

здесь сквознякам не место не с родни
они забитым выдохам пространства
идет урок и плещется «родник»
в поилках коридорного школярства

и маются на почве бытовой
позапозавчерашние детишки
шинкуют сухари бензопилой
и каждый первый оказался лишним

а я лечу косички теребя
одной рукой другой ласкаю клитор
от вас ушла уйти бы от себя
но мне не выпить более чем литр

И КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ

и кто бы мог подумать что зима
заявится вот так без разрешенья
а у меня пустые закрома
мне сданного в аренду помещенья

зачем плачу пожизненный оброк
когда в пыли и кафель и посуда
и что обидно не известен срок
открыта дата мол живи покуда

какие суки эти палачи
горазд на выдумки потусторонний гений
а мы толчемся у его печи
объедками чиихто объедений

красуемся глядимся в зеркала
кривые но у всех глаза закрыты
а в печке лишь холодная зола
и с детства нам разбитое корыто
пророчил добрый Саша, рыбакам
по неводу по морю-океяну
и в красный угол почести богам
и пуговку к дырявому карману

мы волны за загривок и орем
ну где ты сука рыбка золотая
на токовищах скачем глухарем
и на подножку дряхлого трамвая
пытаемся на полном на ходу
но клоун за рулем не лыком шитый
ладошками прикрыв сковороду
в огонь не плюйся и на пар не шикай

Хэппи энд

будет дом шататься как пьяница
на подстанциях грохнут свет
разливая счастье по пятницам
каракатицы хеппи энд (!)

вот и все мне добавить нечего
я в молчании золотом
бог ау все кричала нет его
пустошь чертова за углом
колесом через поле млечное
не богаты ли молоком (?)
а у дудочки покалеченной
голос ластится наждаком

жмутся жмурятся искры бывшие
превращаются в снегопад
мне так муторно но молчишь и ты
что же делать и виноват
кто (?) наивное вопрошание
риторическое ничто
нечто вынет самокопание
в бессознательном а потом
засмакует как стадо жвачное
зацелует себя в хламье
разлетаются одуванчиком
птички, пенчики... а не то...

без вина а до смерти пьяная
без вины а до красных щек
Салтыкова читать с Кабановым
go-go а что еще (?)

Первый месяц зимы

Первый месяц зимы несмышленный и тычется носом
колким снежным смешным и еще не открыты глаза
Заморожены сны и под шапки запрятаны косы
реже стали визжать у меня за спиной тормоза

Я горячность лба прижимаю к холодным окошкам
и дышу на стекло и рисую какую-то чушь
пересохшим губам растянуться в улыбку не можно
я потом как-нибудь за все зимние дни улыбнусь

когда снова весна перережет у моря все вены
и захлещет струя через край захлебнувшись собой
от ума без ума постоянством до слез переменным
полыхнет полынья растекаясь по жизни другой.

первый месяц зимы полюбить бы тебя как младенца
разве ты виноват в том что кто-то когда-то ведь нет
ну а сны – только сны никуда от себя мне не деться
не вписаться в формат полумер полумер полубед

Последний узел

Мне на здоровье жаловалась осень
А что я ей скажу – она умрет
Не ждущие ответ в глазах вопросы
Глокает окончания жуёт
Жужжащие нещадно шепелявит
Сточила зубы выплакала взгляд
Подохнет – закопаю на поляне
Под павший и пропавший листопад

Снег закружит поднимутся вороны
Галдеж такой что вынута душа
то не простой галдеж а похоронный
и я сутулясь прибавляю шаг

и как то враз состарились осины
и ветер стих не чокаясь хлебнул
дешевой браги старой древесины
и до весны забился балагур
ручей в нору из ледяного грунта
глаза застыли выдохлись шаги
вдруг побледневшего испуганного утра
под взглядом лютым ледяной карги

и под ногами так и будет плакать
пока нога не выдавит слезу
безвольный снег и превратится в слякоть
а я последний узел завяжу.

СНЕГ – ОН БЫВШИЙ ДОЖДЬ

и как-то пережить бы предсугробный мрак
и как-то переплыть замерзшие моря
и чем-нибудь прикрыть душевный мой бардак
и как-то разлюбить и не влюбляться зря

немного подождать засыплет до трубы
до слюдяных окон до мельниц ветряных
до пальцев ломоты прокушенной губы
вчерашнее «болит» в сегодняшних смешных
полосках на руках белесых и немых
где кожа молода и больше нет корост
и научиться бы в обход не напрямик
еще не усложнять того который прост

и не бежать с шарфом в буран к снеговикам
и не включать цветам ни Баха и ни свет
и бросить бы курить в затылок и набегу
и сделать наконец кому-нибудь минет.

а снег он бывший дождь и он не виноват
ни в перемене мест ни в перемене лет
он хрупкий как стекло боится он лопат
рыдает не скрипит под натиском штиблет

порезан до костей полозьями и вот
уродливы рубцы никем не сшитых ран
но как мне пережить и старый новый год
и предсугробный мрак и затяжной буран.

Палачам

и головы с горяча
и ночи и дни и прочее
недаром у палача
прорези там где очи

но даже под колпаком
у ласкового убийцы
затушенным угольком
выкрашены ресницы

бескровность полоски губ
расплата за кровь чужую
и можно построить сруб
из срубленных под чистую
под тоненький корешок
под вынутое из сердца
на голове мешок
не лучшее видно средство

и может быть по ночам
приходят а кто их знает
не сладко и палачам
все мы в одном трамвае.

Брожу по комнате

брожу по комнате пустой и говорю с тобой
о том о сем из ничего и невзначай рукой
жестикулирую и мой нелепый монолог
записываю и кручу сама себе мой бог

да я давно сошла с ума ведь мне не нужен ты
люблю люблю да ерунда мне ближе нет тахты
убитой тумбочки моей плеяды мои – плед
клавиатура как панель где продается бред

одетый как дешевка блядь с размазанным лицом
от рук отбившаяся прядь паяц с худым концом
не просыхающий от луж разлитого вина
не выдыхающий от стуж зима моя зима

я исходила стены все и пол и потолок
но выхода из плена нет хоть низок хоть высок
я не пускаю никого хоть плачь хоть застрелись
мне одиночества глоток дороже всех убийц

оно изящно и умно оно такой оргазм
оно не врет оно одно и точно не предаст

У неба займы

замерзшие звезды крошатся в неискренний снег
не все долетают но все ощущают полет
потом разноцветной травой прорастут по весне
а кто-нибудь или ногой или просто сорвет

и вот когда снова наступит чужая зима
не будет на небе ни звезд ни обмылка луны
придется сверкающий иней с деревьев снимать
и тех возвращать кого взяли у неба займы

а я не отдам никого пусть останусь в долгу
и пусть темнота по пятам словно преданный пес
ни здесь и ни там я без них не могу н е м о г у
и мне все равно как решится вопрос

жалейка

не жале́й меня́ у жале́йки грусть
источилась вся тоньше некуда
обниму коня́ по снегам пройду́сь
не идти́ нельзя́ небо беркутом
крылья́ черные солнце стылое
и точеные когти вынула
это полынья
да из полымя
не жале́й меня́
что не вспомнила

с головой́ иду́ непокрытою
на руках́ несу́ сердце битое
птицей раненой где-то около
утра раннего боль заштопана
забинтована память вросшая
заколдована в нехорошее
может бросить все может выйти вон
только на засов запечатан стон
ветер бьется в дверь
вот и треснет грудь
из одних потерь
и неверий путь.
не жале́й меня́ мне в жале́йку дуть
мне от декабря́ в никуда́ не будь

От носа до хвоста

Сегодня день как вырванный листок
исписанный помятый и в косую
охрипший утра стартовый свисток
отчаянно рассвету протестует

зимою околпачена луна
болтается как ботало на шее
и хнычет в ледяные закрома
тупые морды грейдеров ковшей и
босые лапы, боты, сапоги
пинают недовольно скрип и злятся
свой звездный час заждались рыбаки
и руки в предвкушеньи трепанаций
реки с еще открытым родничком
улыбкой хищной нервно потирают
готовясь к встрече с кормом и сачком
в созвездье рыб дороги чистят к раю.

разбросаны еще снеговики
в садах и парках тонким -тонким слоем
раскинули деревья и кусты
худые ветки и наизготове
любой клочок от носа до хвоста
топорщится надеясь на подшерсток
срок подошел и скоро холода
родит зима и всех нас как в наперсток
в дом неуютный тесный поместят
(нам из него не выбраться до срока)
как не обсохших и слепых котят
в ведре помойном топят за порогом.

Вершки и корешки

перемерзают чокнутые трубы
когда наружу весь водопровод
зато не нарушает запах трупный
стерильность хирургических работ.

тоска такая, что от самых пяток
выскабливает тянет корешок
землей отторгнут воздух липким кляпом
нелеп и жалок высохший вершок

и под телегой сыро неуютно
но на телеге целый воз дерьма
не различить – который незабудка
все лютики подошли все зима...

мне батарейки поменять несложно
пойди купи – цена невелика
последний день (увы?) еще не прожит
но как же я от жизни далека

и как-то надо тяготеть к весне
ну типа невозможно жить без цели
а солнце уподобилось блесне
присесть – не сесть на... да и рыбку съели

Матат Акун

когда я прокурю наследство
бакспейс эф вместо кэнтрол эс
неважен результат и средство
мне увлекателен процесс

когда пишу лав ю за скобки
невзвешенный на вынос ум
двойное дно в пустой коробке
акын поет матат акун

по зернышку в щель половую
кудах-тах-трах life is miracle
на шелуху не претендую
мне пох*й весь этот спектакль

На расстоянии

я от тебя на расстоянии звука
ты от меня на расстоянии мысли
все всыпалось и высыпалось быстро.
так в добрый путь!
Пожмем друг другу руки.

и кто-нибудь на расстоянии взгляда
к кому и ты на расстоянии том же
печать поставит на щеке помадой
прикосновениями распишется на коже

но если вдруг захочется когда-то
измерить расстояние словами
найди кардиограмму неформата
моих несовершенных оригами

Иду за хлебом в магазин

вот я иду за хлебом в магазин
простое путешествие как будто
а я иду себе вообразив
свое последнее в болоте жизни утро

ну вот собака скажем например
бежит себе и ничерта не знает
заброшенный людьми скучает сквер
один зимует в ожиданьи мая

или вон тот сутулый гражданин
трясущейся рукою папироску
достанет из широких из штанин
если найдет и будет счастлив в доску

а тетка. тетка... это же чума
несется так что обгоняет ветер
и на колесах толстая сума
сейчас дороже ей всего на свете

а я иду воткнув глаза в себя
и там внутри такое буйство красок
и эти краски душу теребят
а может быть «последнее» напрасно...

Пронумерованные души

*«заигравшись в сломленный телефон обязуйся номер души
не помнить...»*

МАКС САЛТЫКОВ

пронумерованные души
и проштампованная жизнь
и червяком вползает в уши
«але алешенька держись»

и разлагается там сцуко
на инь и янь на сто частей
от восхищенья до испуга
в глазах стеклянных мертвых кукол
преображая канитель
в придуманное как то с ходу
завернутое невзначай
зрачки протерты в непогоду
и в утренний остывший чай
внутри кипевшее когда-то
процесс физический силен
сдай номерок возьми лопату
иди ты нах*й почтальон

а ТЫ

МС

*а ты нежнее розовости устриц
прозрачней тишины после дождя
ты громче многолюдности всех улиц
и тише чего тише быть нельзя*

*и воздух и огонь и ветер вздохов
ты вечность и сомнительность ничто
бываешь и чертовски мудрым богом
и ангельски бездумным черти что*

*простым соединением молекул
химическим составом поездов
обычным необычным человеком
всем тем что после будет и что до*

Моя снежинка

Моя снежинка на ладонь
на забуранинное мною
стою и ничего не стою
нагая от зимы погонь

немая простота волос
слегка пожеванное время
не то чтобы совсем не веря
а просто веря не всерьез

полуслова полубогов
в полуночи а может в полдень
не то чтобы совсем не помню
а помню только без долгов

оглохшие «от» страусы
бездельники души отдушин
тельняшки на изнанке сушим
и вместо паруса труссы

кивками можно и не в такт
здесь главное есть направленье
и поколенье на колени
и наколенник на кулак

скрипучесть массовых снегов
в зависимости от морозов
и декларирует угрозы
плач безутешный сапогов

а что еще и для чего
стынь щеку подперев рукою
и то заплачу то завою
зима зима тоски вдовство

моя снежинка не моя
ладонь в чужих руках ледышка
а мне бы выдохнуть но вспышка
налево справа да одышка
и горло давит от излишка
и бестолкова колея

Я вас люблю

Я уйду. Не поминайте лихом.
Я – сука, стерва, тварь. Ну, кто еще?
Да кто угодно, назовите психом.
Мной даже не родившийся прощен.

Я уйду. Невыносимо больно
От дури, блажи, да насрать на всё,
Настало время для полетов вольных.
Да вру, конечно. Уйду и всё.

Все номера, все имена забуду (?)
Писать не стану (?) больше ничего.
Смогу? Смогу, и я не верю чуду,
И чудо мне не верит. Что ж с того.

Оставлю вам, быть может кто-то любит
Мой бред и слог, да и меня саму.
Была я резкой нарочито, люди,
я вас люблю, не веря никому.

Ну, все, пока. Прощайте, дорогие,
Не ждите зря, я точно не вернусь.
А знаете, мечты мои какие ... (?)
Нет, не скажу, иначе разревусь.

Страус

да умею держать паузу
только нахер мне это надо
не приемлю дефект страуса
и в руке у меня граната

я под танком ползу сжалась вся
и взрываю себя без танка
без особой на то жалости
я в стране своей эмигрантка

и война никогда не кончится
я встречала себе подобных
и себя и других – в клочья всё
неудовно ли неудовных

опоясанные хаосы
одураченные собой
подставляют очко страусы
пробивая бетон башкой

в этом городе нет улицы
даже малого закутка
где бы яйца несли курицы
и парного бы молока
пусть в помятой жестянке конченной
но без наледи по бокам
не отравленным не просроченным
по утру подавали б нам.

сухарей бы ржанных просоленных
так чтоб зубы на полки хрясь
чтобы руки цвели мозолями
и любить не опохмелясь

да зачем это все
и надо ли
если вырванная чека
если сжались
ползем с гранатами
на черта нам нужна черта

Закончены внебрачные чтения

закончены внебрачные чтения
у прачек стерты руки до костей
закономерны срывы увлечения
вибрации трехпалых лопастей

не каждому был выдан при посадке
по правилам всем сшитый парашют
один закрыл глаза играя в прятки
и незаметно оказался тут

другой крутил педаль велосипеда
на тренажере ржавом без колес
и риторический вопрос – куда я еду
подъем перелопатил в под откос

а третий дрых во сне пуская слюни
и видел жизнь прекрасной но во сне
он так и умер не познав безумий
в моче, в соплях и собственном говне

а я орала с самого начала
и двое суток длилась та борьба
«отстаньте суки» мама закричала
и я сдалась, а лучше б умерла

FUCK ME

я -радистка Кэт и в целом мире
я веду трансляцию одна
и на связи бог в прямом эфире
нам с небесного вещает дна

я меняю часто дислокаций
сорные офшорные места
соблюдение субординаций
часто доводили до креста

пулеметной очередью точки
транспаранты блеклы и мелки
я понять пытаюсь что он хочет
во спасенье или так силки
расставляет к завтраку диковин
выщипанных в гладкость толстых кож
интересно кто ж ему готовит
манну или манку из рогож

отделяет кто зерно от плевел
кто в муку, и кто накрутит фарш
бог скажи мудака ты или гений
наш ты блть или же ты не наш

мне пишит непроходимо в уши
длинное – короткое пи -пи
гарнитуру сняв беру беруши
ты – не бог а я – не Кэт
fuck me

Ловкость рук

я не лезу на вершины гор
и на дно морское не ныряю
виртуоз я и карманный вор
у себя краду – не замечаю
ловкость рук проворность пальцев смак
дрожь от предвкушения и гордость
мне понятней и родней дурак
чем тупая рабская покорность
стада озабоченного тем
как добыть себе на пропитанье
у загона не бывает стен
стены есть в башке и осознание
деградаций не ведет вперед
ни назад топтание на месте
я не сволочь и люблю народ
только по отдельности не вместе.

МЯТНЫЙ ЧЕРСТВЫЙ

запивая пряник молоком
мятный черствый по совковски честный
папа мой поведал мне о том
как в лесу командовать оркестром
говорил он так, да пусть медведь
растоптал тебе хоть оба уха
меньше слышишь – легче будет петь
если по бокам орут два друга
или в уши малую нужду
чтоб не обоссаться кто справляет
ты упрямо дуешь во дуду
во саду ли в огороде кляйн
да, забей, ударники в забой,
по тарелкам битым перебитым,
помни, доча, мы всегда с тобой,
что смеешься? ах. ты ж! да иди ты

ненавижу пряник, молоко,
как и все молочные продукты,
но перерабатывает в говно
организм любые соки-фрукты,
и когда я слушаю оркестр
или забываюсь в глухомане,
все родней и жальче мне отец,
но нежнее думаю о маме.

Когда сумеют сохранить цветы

Нет, я не стану подбирать слова,
они грязны и в отпечатках ног,
висит на тонкой шее голова,
вот, снег пройдет и подведет итог,

сравнивает все и всех, на отдых глаз,
зрачков суженье, жжение глазниц,
незримый пар дыханий пары фраз,
и оголенность потных поясниц.

выуживанье рыбки из пруда,
замерз? так что ж, зима и в ноябре,
еще чуть-чуть и нападёт пурга,
засунув в лед свистящее амбре.

мои слова застынут до весны,
и, может быть, в подснежниках найду,
когда сумеют сохранить цветы
продрогшую словесную труху..

и будет май подлизываться вновь,
и клеить лист наивно и смешно,
и кто-нибудь напишет про любовь
очередное пошлое говно.

Не нам?

Собираю вещи в чемодан,
Под кроватью жил он очень долго.
У кровати сетка вдрабадан,
У меня – расхристана дорога.

Он больной, как эксклюзивный рак,
Допотопный, как моя невинность,
Скручена обыденность в форшмак.
Жмых из глаз селедочных навынос.

Вот пойдем мы по полю вдвоем,
Я и мой картонный чемоданчик,
Выпьем горькой горькую споем,
Бросим в пустоту «не надо сдачи».

Из горла нам пить не привыкать,
Без кола нам жить – херня, раз плюнуть,
Да пускай подавится кровать
Снами всеми, мы кота Баюна
Вылечим, всучим ему баян,
Да, неважно, что-нибудь да всучим.
Трын-трава для зайцев, нам – бурьян,
Скошена ботва, и стерни сучьи
Протыкают пятки да насквозь,
Мы, как решето, сияем, в дырках,
Кто сказал, что каждый – это гость?
Кто-то звал и ждал? в каких картинках?

Слышишь, колокольчики? вон, там,
За густым просроченным туманом.
Кто-то шепчет и зовет. Не нам?
Как не нам? не пустят с чемоданом?

Искала я бога

Искала я бога:
«Бог, где ты? Ау»,
убила, наверно, с полсотни
ли сотню,
потом хоронила в сосновом бору,
и снова ловила на дворике скотном
баранов, бараних и прочих людей,
смотрела в глаза, это ж зеркало вроде,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.